

УДК 78.17.29

ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПОЕЗДКИ В КРЫМ
И ИЗУЧЕНИЕ ПОЛУОСТРОВА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Прохорова Татьяна Александровна,

кандидат исторических наук,

*заведующая научно-архивным отделом Федерального государственного
бюджетного учреждения культуры "Государственный историко-
археологический музей-заповедник "Херсонес Таврический"*

(г. Севастополь, РФ)

+ 7 978 812 73 18; grejprut@mail.ru

Статья посвящена анализу сведений, полученных британскими подданными во время их военно-дипломатических поездок в Крым в первой половине XIX в., в частности военным офицером и путешественником Джорджем Мэтью Джонсом. Представление о Крыме, представляющем геополитический интерес для европейских держав, формировалось во время путешествий и экспедиций. Оформленные результаты и сегодня обладают огромной ценностью как неизученная ранее часть крымской истории. Автор считает, что наработки британцев должны вводиться в научный оборот и послужить катализатором изучения "скрытой" истории Крыма, России и международных отношений.

Ключевые слова: *Крым, первая половина XIX в., Джордж Мэтью Джонс, военно-морские базы и портовые города Крыма.*

В 2013 г. миновал 230-летний рубеж с того момента, как Крым был присоединен к Российской империи, обозначив начало новой эпохи в истории полуострова и всего Северного Причерноморья. Сегодня за судьбу региона вновь вступили в противоборство крупнейшие мировые державы, и в курсе исторического развития региона опять стал возможен поворот уже в условиях новейшего времени, когда в 2014 г.

Крым вновь стал частью российского государства. В нынешнем 2016 г. исполняется ровно 160 лет с момента окончания Крымской (Восточной) войны. Отголоски этого конфликта, затронувшего множество судеб, решавшего важнейшие геополитические вопросы, мы ощущаем и сегодня.

Исторически так сложилось, что Крымский полуостров неоднократно выступал пограничной с театром военных действий территорией в ходе ряда вооруженных конфликтов. В конце XVIII - первой половине XIX в. в их числе были русско-турецкие войны 1768-1774 гг., 1787-1791 гг., 1828-1829 гг., русско-персидская война, Кавказская война. Конец третьего десятилетия XIX в. ознаменовался для России вызреванием нового клубка внешнеполитических проблем. После Венского конгресса России, Австрии и Пруссии (1815 г.) Священный союз этих держав, вместе с присоединившимися Англией и Францией, быстро исчерпал себя: ввиду борьбы испанских колоний в Латинской Америке с метрополией и ростом политического влияния США с их "доктриной Монро" Англия отступила от принципов Союза, что довершило его разложение. Однако в Европе оставалось еще множество проблем, и на передний план выходило греческое восстание против турок (1821 г.). Это событие вылилось в очередной конфликт - русско-турецкую войну 1828-1829 гг. После заключения Лондонской конвенции и победоносного Наваринского сражения (1827 г.) антитурецкая коалиция в составе России, Англии и Франции не упускала наступательную инициативу и летом 1829 г. нанесла поражение Турции. Андрианопольский мирный договор (14 сентября 1829 г.) закрепил за Россией владения на Дунае и Кавказе и освободил Грецию [1, с. 80-89].

В центре или на периферии - но Крым всегда оказывался в зоне влияния этих конфликтов, поэтому постепенно становится одним из важнейших объектов геополитических интересов европейских государств. Интерес к полуострову существовал и ранее, в Крым приезжали дипломаты, ученые, путешественники. В это непростое время появилось новое поколение вояжеров: если в конце XVIII в. в Крым ехали ради изучения полуострова, его научного и хозяйственного освоения, то теперь на юг России и в Крым путешественники часто отправлялись как военные писатели - ради изучения тех мест, где проходили или могли проходить военные события.

В 20-х гг. XIX в. южные регионы Российской империи посетил военный офицер и путешественник Джордж Мэтью Джонс (1785-1831). Как капитан Королевского военно-морского флота он прекрасно знал берега Британии и был превосходным экспертом в деле строительства

и обустройства портов. В Крым англичанин попал в ходе своего тура по Прибалтике и Причерноморью, предпринятого с целью экзаменации торговых и военных учреждений в портах посещенных стран, и пробыл в Крыму автор недолго - с 11 апреля по 6 мая 1823 г. По долгу службы Д. Джонс уже был знаком с побережьем Испании, Италии, Франции и Нидерландов и теперь по совету сэра Уильяма Хоста отправился к северным и южным берегам Европы. По итогам экспедиции им было написано двухтомное "Путешествие в Норвегию, Швецию, Финляндию, Россию и Турцию, а также вдоль берегов Азовского и Черного морей с анализом местной торговли и особенностей системы размещения флота в различных частях Европы по сравнению с Англией" [6].

О Джордже Джонсе известно немного. Большой известностью пользовался его брат Джон Томас Джонс (1783-1843), британский генерал в инженерных войсках, а также генерал-адъютант Ее Величества Королевы Великобритании. Именно благодаря ему семья Джонсов получила аристократическое достоинство баронов, тогда же был принят герб рода: на лазурном щите помещена бомба между двумя гранатами; сверху - башня замка, над которой видна надпись "Нидерланды", выполненная золотыми буквами; снизу - лежащий лев, на шее которого медаль, подвешенная на ленте красного цвета с лазурной бахромой. Девизом стали слова "Marte et arte" (в дословном переводе - "мастерством и боем", что значит "потом и кровью") [4, р. 319].

Джордж был вторым из девяти детей Джона Джонса (1751-1806) и Мэри Робертс. О жизни нашего автора можно узнать по заметкам, вышедшим после его кончины в лондонских изданиях. Так, в альманахе "Телескоп времени" за 1832 г. и "Журнале джентльмена" за 1831 г. сообщалось о смерти Джорджа Джонса, брата "полковника Джона Джонса из Королевских инженеров". Из статей читатель узнает, что службу Джонс-младший начал под руководством сэра Джозефа Йорка и отправился в свою первую миссию в 1802 г. В должности младшего лейтенанта попал на фрегат "Амфион-32", на котором лорд Нельсон переправлялся из Бреста в Средиземное море в связи с возобновлением военных действий во Франции в 1803 г. Впоследствии Джонс оказывал помощь при захвате испанской эскадры, перевозящей сокровища из Южной Америки в Кадис. Неудачная атака лодки на побережье Истрии 8 ноября 1808 г. обернулась для него тяжелым ранением; но уже 27 августа 1809 г. снова отличился при захвате и уничтожении шести тяжелых военных судов, береговой батареи, а также эскадры противника в Венеции. Его последнее назначение состоялось 23 янва-

ря 1817 г., когда он на 18-орудийной "Пандоре" направился к ирландским портам, где пробыл в течение почти двух лет. Наконец, Джонс получил должность военного корреспондента в 1818 г., начал писать и в 1827 г. опубликовал "Путешествие в Норвегию, Швецию, Финляндию, Россию и Турцию..." в 2 томах. Вскоре после путешествия у Джонса случился паралич рук и ног, после чего он отправился в Италию для восстановления своего здоровья. Из-за сильной слабости он имел несчастье упасть с каменных ступеней будучи на Мальте, три его ребра были сломаны, вывихнуто плечо; это и стало причиной его смерти через три дня [8, p. 57; 5, p. 561-562].

Произведение оказалось грамотным, и уже тогда рецензенты отмечали, что подобные "интеллигентно написанные труды" редко выходят из-под пера военных офицеров. Но не этим было замечательно "Путешествие..." Д. Джонса. В XIX в., когда были распространены все формы шпионажа, поиск и сбор нужной информации был сопряжен с различными трудностями. Д. Джонсу пришлось лично объехать все военно-морские базы и портовые города интересующих его стран, чтобы составить полное представление о силах военно-морских ведомств в Европе. Благодаря его калькуляциям удалось выяснить, что морские силы континентальной Европы состояли на момент путешествия из 116 линейных кораблей, 74 фрегатов и 92 корветов и бригов, в то время как Великобритания располагает 138 линейными кораблями, 146 фрегатами и 214 корветами и бригами.

Описывая крымские военно-морские рубежи, автор довольно часто ссылался на имеющиеся уже сведения в путевой литературе, доступной каждому европейцу. В этом отношении его произведение не давало ничего нового в изучении южных российских портов. Ссылаясь на работы П. С. Палласа, Э. Д. Кларка, которые были авторами фундаментальных работ о Крыме, Джонс повторял описания бухт и побережий других авторов, а со своей стороны старался дополнить их максимально детальной информацией касательно обустройства портов, их военного функционала, организации их жизни и деятельности. Все это обращает внимание на личность самого путешественника - человека, без сомнения, образованного и имевшего доступ к военной информации высокого уровня.

Крым лежал на пути путешественника из Москвы в Одессу. Совершив переезд через Тулу к берегам Дона, Джонс посетил Область Донских казаков, проехал по восточному побережью Азовского моря и достиг Керченского пролива. В Крыму британский офицер посетил все портовые города и старательно записал в своем дневнике характе-

ристики портов в Керчи, Феодосии, Севастополе, им были отмечены особенности береговой линии Южнобережья (в том числе в окрестностях Гурзуфа) и основные торговые сухопутные пути, которые в случае войны с Россией могли быть использованы для военных перемещений. Иницируя свои исследования торговых возможностей крымских городов, автор, по всей видимости, расследовал их военный потенциал, оценивая мощности торговых портов как стратегически важных в военном отношении объектов. Главное, что интересовало Джонса как специалиста, - это размеры и возможности военных и торговых акваторий. Как опытному инженеру ему было известно, что в случае войны торговый флот начинает служить военному ведомству, поэтому им было аккуратно сосчитано количество фрегатов, линейных кораблей, шхун, шлюпок и торговых барж, стоявших в портах крымских городов, а также прикинуто, сколько могло еще в них поместиться. Цифры, представленные автором, беспокойства у него не вызывали - в любом случае мощности британского флота превосходили то, что попало в его поле зрения: Джонс насчитал 15 военных и торговых судов в Феодосии, а в Севастополе, главном военно-морском городе Крыма, - 11 линкоров и 4 фрегата, не считая шхун и катеров. Крым не имел своего кораблестроения, ближайшие верфи находились в значительном отдалении - в Николаеве и Херсоне, а это затрудняло оперативное наращивание военно-морского флота в кратчайшее время. Весьма важным наблюдением Джонса было и то, что кораблестроительного леса в Крыму нет. Но еще более ценной была характеристика персонала - военные инженеры, адмиралы, архитекторы были родом из Европы либо проходили там обучение, поэтому российские корабли и порты для человека, знакомого с аналогичной европейской системой, не представляли ничего неожиданного.

Выполняя свою главную задачу, стоявшую перед ним, Джонс уделял большое внимание произведению замеров. Путешественнику пришлось замерять ширину и протяженность проливов, глубину и длину бухт, определять количество и величину возвышенностей, исследовать течение рек и ручейков, считать расстояния между населенными пунктами, а в них - дома, общественные постройки и церкви, и самое главное - стратегически важные объекты (казармы, госпитали и больницы, карантинные и портовые сооружения, маяки). В своих подсчетах Джонс проявлял нелишнюю в таком деле дотошность, собирал и сравнивал информацию. Достаточно было одного взгляда столь опытного специалиста, чтобы определить, скажем, ширину Керченского пролива, но автор пошел дальше: брал сведения у чиновников (из описаний адми-

рала Пустошкина), осматривал окрестности, обращался к сведениям из путевой литературы (к описаниям П. С. Палласа) и даже учел замеры XI в. (ему было известно, что еще в 1068 г. князь Глеб измерял ширину пролива, о чем свидетельствовала плита с соответствующей надписью)¹.

Предметом особого внимания Джорджа Джонса были естественные условия, в которых располагались интересующие его объекты. Природа Крыма, климат, ландшафты, характер и направление ветра, течений, наличие источников пресной воды требовали тщательного изучения - ведь в отдельных случаях эти факторы могут служить союзниками или противниками на полях сражений. Джонс пришел к выводу, что ни одна проблема не стоит так остро, как дефицит питьевой воды на всей территории полуострова. Долг обязал автора даже попробовать воду из Керченского пролива (!), чего не стал бы делать обычный путешественник.

Описывая Керчь, Джонс акцентировал внимание на скромной военной истории города, утверждая, что в истории Керчи не происходило ничего интересного со времен Митридата VI Евпатора. Приход русских не способствовал оживлению города, напротив, - русские зачастую, по его мнению, уничтожали вместе с тем, что для них несущественно, и те объекты, которые представляли для них определенную ценность [6, p. 202].

Необходимо отметить, что подобные заявления делали многие путешественники начала XIX в. Некоторые преследовали цель представить Россию варварским государством, другие же попадали под влияние антирусских настроений, создавая общеизвестный устоявшийся миф о варварской России.

Общий вывод, который следует из описаний путешественников, таков: все, что предшествовало приходу русских в Крым, разрушено почти до основания, и главной причиной этого была строительная деятельность российского правительства на юге империи. До прихода русских, как пишут многие авторы, древние строения были в целости. Разрушив их, русские продолжали "реализовывать свою любимую практику" - они сеяли разруху, ломали, жгли, разбирали и уничтожали все, что напоминало о прежней истории. Фундаменты строений были зачищены, гробницы разорены, храмы осквернены, а камень и мрамор стали вывозиться кубическими метрами и продаваться строителям. Эти настроения звучат в трудах П. С. Палласа, М. Гатри, В. В. Измайлова, Ж. Рейи, В. Б. Броневского, Ж. Гамбы, Э. Гендерсона, Р. Лайолла, Дж. М. Джонса, П. П. Свинын, Дж. Александра, У. Джесса, А.

Оммер де Гелль, К. Коха, Г. Д. Сеймура. Путешественнику Э. Спенсеру даже казалось, что "русские трудились специально для того, чтобы уничтожить не только национальность людей, которых они покорили, но и всякий след любой другой державы, которая предшествовала им" [7, р. 79]. На страницах его путевых записок звучат риторические вопросы: "С какой целью, думаете вы, были эти бессмысленные разрушения совершены? На самом деле, власти могли отправить камни для строительства! Чего же тогда мы должны ожидать, если это люди в будущем распространят свои завоевания на прекрасные области Греции или Италии? Не будут ли они и там разрушать каждый памятник, который время пожалело, чтобы показать правду истории?" [7, р. 80].

Об активной строительной деятельности русских, которая разрушила древние города, писал также С. С. Куторга (1833). Вот, что он пишет относительно Севастополя: по мере того, как рос город, Херсонес исчезал. Однако путешественник непоследователен в выводах: то пишет о разрушении древнего города новой властью, то называет правительство "благотетельным", поскольку оно взяло под защиту "святылища древности" [2, с. 86]. Все, что сохранилось от города, - это стены на юго-востоке и юго-западе (видны до сажени в высоту и до четырех саженей длину, т.е. 2 м и 8,5 м соответственно), зданий и улиц не осталось, только разбросанные огромные груды известняка; путешественник видел также круглые отверстия в земле "аршин в поперечнике" (0,7 м), уходящие под землю, которые, по его мнению, служили "водо-вместилищами для воды" (оспаривает мнение других ученых, что отверстия были гробницами или подвалами) [2, с. 87]. Замечания С. С. Куторги особенно неутешительны, учитывая то, что за полвека до него, в 1787 г. Ф. де Миранда описывал прекрасно сохранившиеся улицы, с которых при желании можно было снять план. Однако уже тогда испанский путешественник отмечал начало расхищения древностей русскими: с башни была искусственно снята облицовка, разрушена "сводчатая дверь" [3, с. 59].

Пропагандируя клише о варварской России, Джонс становится заложником русофобских выводов: именно европейцы привозили наиболее передовые идеи в Крым (к примеру, исследователь П. С. Паллас, основатель Керченского музея древностей Поль Дюбрюкс, дипломат и коллекционер древностей Р. А. Скасси, общественный и политический деятель А. И. Султан-Крым-Герай).

Автор не скрывал интереса к торговым коммуникациям - морским и сухопутным - ведущим к Керчи, считая их стратегически важными

для подвоза продовольствия и вооружений в условиях возможной осады. Не упускал он из вида и историко-культурные памятники, ценные в археологическом и архитектурном отношении. Представитель европейской образованной интеллигенции, Джонс понимал все выгоды владения этой территорией, где имело значение все - природные условия, ресурсы, исторические объекты, имеющаяся инфраструктура. Ничто не ускользнуло от пытливого взгляда британца: количество душ населения в городах Крыма и даже небольших поселках, имеющиеся в округе природные объекты, вплоть до мельчайших соляных озер, количество собак, точное число промышленных объектов и мелких кустарных производств, экономий и имений; автор описывает настроение, царящее в городах, отношения жителей между собой и с властями (в том числе пренебрежение распоряжениями полиции), замечает мельчайшие подробности - даже отсутствие часов на центральных площадях городов.

Важным для автора с точки зрения военной стратегии было изучить состав и численность местных жителей, род их занятий, настроения по отношению к власти. С большим интересом для себя Джонс отмечает, что русских в Крыму немного - это в основном служилое население, зато греков, евреев и татар в процентном отношении больше других, они-то и составляют основное население на полуострове. Эти народы равнодушны к оружию: для греков, как считает автор, военные упражнения представляют лишь спортивный интерес, евреи слишком заняты торговыми делами, а татары вовсе не признают оружия. Народы Крыма весьма консервативны, сохраняют верность своим традициям и пассивность в политической жизни региона - это позволяет им, по мнению Джонса, оставаться нечувствительными ко всякого рода завоеваниям и смене власти. Из выводов Джонса следует, что искать среди местного населения союзников или опасаться их в качестве противников не имело бы смысла.

А точно подсчитанные расстояния между объектами позволяет еще раз убедиться в неприкрытой заинтересованности автора провести своего рода всесторонний мониторинг края.

Россия и в большей степени ее южные рубежи продолжали привлекать внимание наблюдателей в 30-е, 40-е и особенно в 50-е гг. XIX в. Ко второй половине XIX в. в России обнажилось еще одно "слабое место" - Кавказский регион, и вновь Крыму предстояло стать плацдармом для урегулирования нового клубка противоречий. В общественном сознании британцев в то время укоренилась мысль, что обострению восточного вопроса послужили многие события, и среди них - Крымская война. Крым продолжал представлять геополитический интерес для европейских держав, формирование которого во определен-

ной степени зависело от ранних путешествий и экспедиций в этот регион. Англичане, посетившие Крым в первой половине XIX в., оставили сведения, обладающие огромной ценностью как неизученная ранее часть крымской истории. Нарботки британцев вводятся в научный оборот и должны послужить катализатором изучения "скрытой" истории Крыма, России и международных отношений.

Примечание

1. Речь идет о так называемом "тмутараканском камне", представляющем собой мраморную плиту с высеченной на ней надписью на древнерусском языке, которая была найдена в 1792 г. на Таманском полуострове адмиралом П. Пустошкиным. В настоящее время хранится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге. Является древнейшим свидетельством о гидрографических работах в Древней Руси, производимых князем Глебом Святославичем в 1068 г.

Текст надписи был опубликован уже в конце XVIII в. и был хорошо известен: "В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по льду от Тмутороканя до Корчева 14000 сажен" [Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении Российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794; Оленин А. Н. Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 г., с описанием картин, к письму приложенных. СПб.: Медицинская типография, 1806; Свиньин П. П. Часть XXV. Обзорение путешествия издателя Отечественных записок по России, в 1825 году, относительно археологии // Отечественные записки. СПб., 1826; Кеппен П. И. Часть V. Нечто о Тмутараканском камне // Труды и записки Общества истории и древностей Российских, учрежденные при Московском Университете. М., 1830].

Список литературы

1. История международных отношений и внешней политики России (1648-2000): уч. для вузов / под. ред. А. С. Протопопова. М., 2001.
2. Куторга С. С. Путешествия: отрывки из путешествия 1833 года / ЖМНП. 1834. Ч. 1. № 1. С. 81-90.
3. Миранда Ф., де. Путешествие по Российской Империи / Пер. с исп. М. С. Альперович [и др.]; науч. ред. М. С. Альперович. М.: Наука: Интерпериодика, 2001. 364 с.
4. Debrett J. The baronetage of England. revised, corrected and continued by G.W. Collen / J. Debett. London: William Pickering, 1840. 626 p.

5. Gentleman's magazine / Ed. by E. Cave. Vol. 149. London: John Nichols, 1831. 676 p.

6. Jones G. M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea with a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England. In 2 vol. London, 1827. Vol. 2. 595 p.

7. Spencer E. Travels in Circassia, Krim-Tartary, [etc.]: including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople, and round the Black Sea in 1836. London, 1837. Vol. 2. 425 p.

8. Time's telescope for 1832, or the complete guide to the almanac. London: Sherwood, Gilbert and Piper, 1832. 135 p.

MILITARY AND DIPLOMATIC TRIPS TO THE CRIMEA AND STUDYING OF THE PENINSULA IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Prokhorova Tatyana Aleksandrovna,

candidate of historical sciences,

manager of scientific and archival department of Federal state budgetary institution of culture "State historical and archaeological memorial estate "Chersonese Taurian" (Sevastopol, RF)

+ 7 978 812 73 18; grejpfрут@mail.ru

Article is devoted to the analysis of the data received by the British citizens during their military and diplomatic trips to the Crimea in the first half of the 19th century, in particular the military officer and the traveler George Mathew Jones. Idea of the Crimea which is of geopolitical interest to the European powers was formed during the travel and expeditions. The issued results have huge value as the part of the Crimean history which is not studied earlier also today. The author considers that practices of British have to be introduced for scientific use and serve as the catalyst of studying of the "hidden" history of the Crimea, Russia and the international relations.

Keywords: *Crimea, first half of the 19th century, George Mathew Jones, naval bases and seaports of the Crimea.*

References

1. Istorija mezhdunarodnyh odnoshenij i vneshnej politiki Rossii (1648-2000) [History of the international relations and foreign policy of Russia (1648-2000)] / A.S. Protopopova. M., 2001.

2. Kutorga S. S. Puteshestvija: otryvki iz puteshestvija 1833 goda [Travel: fragments from a travel of 1833] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija [People Education Department Journal]. 1834. P.1. №. 1. P. 81-90.

3. Miranda F. Puteshestvie po Rossijskoj Imperii [A travel across the Russian Empire] / M. S. Alperovich ; M. S. Alperovich. M. 2001. 364 p.

4. Debrett J. The baronetage of England. revised, corrected and continued by G.W. Collen / J. Debett. London, 1840. 626 p.

5. Gentleman's magazine / E. Cave. Vol. 149. London. 1831. 676 p.

6. Jones G. M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey; also on the coasts of the sea of Azof and of the Black sea with a review of the trade in those seas, and of the systems adopted to man the fleets of the different powers of Europe, compared with that of England. In 2 vol. London, 1827. Vol. 2. 595 p.

7. Spencer E. Travels in Circassia, Krim-Tartary: including a steam voyage down the Danube, from Vienna to Constantinople, and round the Black Sea in 1836. London, 1837. Vol. 2. 425 p.

8. Time's telescope for 1832, or the complete guide to the almanac. London, 1832. 135 p.

